

PC

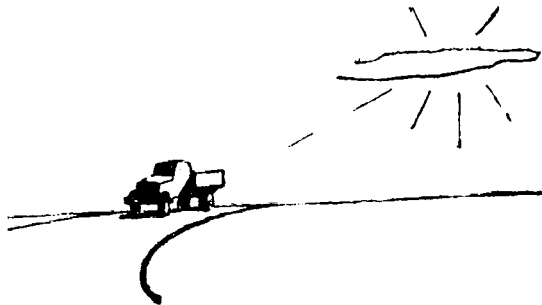
P-69

1376478

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

тренние
дороги

Александр Романов

УТРЕННИЕ ДОРОГИ

СТИХИ

ВОЛОГОДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

РАЙОННЫЕ ДОРОГИ

Шоферу Л. А.

Дороги, вы, дороги,
Районные пути.
Охотников немного
Поехать и пойти.
И люди ждут у чайных,
Когда ж какой-нибудь
Грузовичок случайный
Рискнет рвануться в путь.
И вот он едет — нате! —
Не едет, а бредет
Упрямый, угловатый,
Районный вездеход.
Попутчики — к проселку.
Шофер, знакомый, свой,
С улыбкой невеселой
Качает головой.
И шутит возле чайной,
Мол, всех забрать могу,

За жизнь лишь не ручаюсь,
А вещи сберегу.
И вновь, тревогу пряча
(Попробуй — проберись!),
Решает он задачи
На смелость и на риск.
... Идет машина грузно,
Шоферу нелегко.
Потрескивает кузов
От натиска мешков.
И к ним прижавшись туго,
Попутчики сидят.
С восторгом и испугом
Назад бросают взгляд.
И говорят влюбленно:
— Лишь он проехать мог,
Шофер дорог районных —
Король таких дорог!

ДЕЛЕГАТЫ

Визжат летучие полозья,
Взметая с горок снежный дым,
И дует пламенем морозным
В лицо ребятам молодым.

Парок клубится перед ними.
И тут, как будто для красы,
Им подрисовывает иней
Еще не бритые усы.

Вот и райком. Гремят ступени.
С ног парни стряхивают снег.
У них в руках колючий веник
Свой доживает жалкий век.

Заходят празднично одеты
В тепло натопленный райком.
И сразу веет в кабинете
От них морозным ветерком.

— Вы делегаты?

— Делегаты!

Светлеют лица у ребят,

Перед комиссией мандатной
Они, веселые, стоят.

Размашист секретарский почерк —
Их биография проста:
Кто скажет: «Родом из рабочих»,
Кто скажет: «Родом из крестьян».

Смотрю на них — мои погодки.
Задорен взгляд. Красива статья.
Их по уверенной походке
Легко заметить и узнать.

Вот так же их отцы когда-то
С фронтов, состроек, с дальних мест,
Как новой власти делегаты,
Входили с Лениным на съезд.

И так же, словно между прочим,
Назвав родимые места,
Басили: «Родом из рабочих!»
Бросали: «Родом из крестьян!».

* * *

Мы уходим в дáли травяные, —
Каждая минута дорога:
Запираем лето в кладовые —
В грузные, зеленые стога.

Будут дни — и кладовые эти
Даже под снегами отопрем,
И на дровни мы разложим лето
И к себе в деревню привезем.

У СТОГА

Ходят, шутят возле стога,
Девки загорелые:
— Ой, не стог — старик убогий,
Мы бы лучше сделали...
Парни, крякая, с размаха
Копнами бросаются.
— Погодите охать-ахать,
Чертовы красавицы!
Вилы к небу: вот как мы —
Есть копна — и нет копны!
Девки, платья завивая,
Вновь приходят с ношею.
На копну — копна другая
Возле стога брошена.
И она летит с размаха...
Ну, не парни — лешие!
Лишь в плечах трещат рубахи,
К телу прикипевшие.
Вилы в землю: вот как мы —
Есть копна — и нет копны!

Девки им: — Да вы не очень...
Это все до случая...
И опять бегут, хохочут,
Мол, парней проучим мы.
На одну копну — вторая,
На вторую — третья...
Еле тащат, изнывая,
Хоть кричи, чтоб встретили.
А пришли — и смех опять:
Вот уж этой не поднять.
Ну, а парни: — Мы за вилы
Только беспокоимся...
К сену разом подступили
И в него — до пояса.
И копна с земли со звоном,
Медленно срывается,
Тучей шумной и зеленой
В небо поднимается...
Пот смахнули: вот как мы —
Есть копна — и нет копны!
Тут уж девкам не до смеха,
Смотрят с удивлением.
И летят сенинки сверху
Прямо на колени им.
Парни — рады. Встали рядом,
Гордые, беспечные...
Тут сказать чего-то б надо,
А сказать и нечего.
Только чей-то слышен вздох:
— Вот уж вышел стог — так стог!

ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОД

Как будто бы в большой зеленый город,
Вступаешь в теплый августовский лес,
Который вечно стар и вечно молод,
В котором столько улиц и чудес.

Вот переулок — наклоняйся низко...
Прошит лучами он наискосок.
И словно электрические искры,
Летит на плечи солнечный песок.
Ну, а внизу — прохладные подвалы,
Хранится там настой давнишних смол.
Его глотками пил не раз, бывало,
И вот опять попробовать зашел.

А рядышком с еловым переулком
Березовая улица лежит.
Как солнечна она! И как в ней гулко!
И как на ней просторны этажи!
И вся она заселена на лето
Певцами, музыкантами опять.

Их все равно не переслушать — где
там! —
Хоть целый день на улице стоять.

А вот и тупичок ольховый, тихий.
Здесь земляникой пахнет, как всегда.
И диво, право, как трава не вспыхнет
От искр ее, зароненных сюда.

Оглянешься — в сверкающем просвете
Поляна, словно площадь, широка.
На площади, как памятники лету,
Чеканной бронзы высятся стога.

...И бродишь так по улицам зеленым,
По переулкам и по тупикам,
И смотришь удивленно и влюбленно
На город, где хозяином — ты сам.

* * *

Л. Буркову

Сойдешь на тихом полустанке,
Где ты ни разу не бывал,
Где лишь минутные стоянки
Да только будка — весь вокзал.
Сойдешь, достанешь папироску
И, от метели заслоня,
На миг в своих ладонях жестких
Укроешь бабочку огня.
Дымком затянешься глубоко,
Проводнику посмотришь вслед,
И станет как-то одиноко —
Здесь никого знакомых нет.
Но, нахлобучив шапку туже,
Пойдешь туда, где должен быть,
И станешь по пути от стужи
В дома погреться заходить,
И если сам ты откровенный,
Немолчаливый и простой,
Хозяин дома непременно
Поговорит, как друг, с тобой.

И самовар бронзовощекий^ц
Хозяйка вынесет потом,
И чай с густым брусничным соком
Дымиться станет над столом.
И будет часто так. Когда же
Пройдет твоей поездки срок,
То кто-то «до свиданья» скажет,
А кто-то выйдет за порог.
Пожмет, прощаясь, руку жарко:
Мол, приезжай сюда опять.
И расставаться будет жалко
И будет грустно уезжать.

* * *

Вдалеке от суматошных станций,
Где-то между ними в нужный час,
Приходилось многим расставаться
С поездом особенным не раз.

Ездят в нем молочницы с базара,
С выставки свинарки, чабаны,
Девушки веселые и парни —
Здесьних мест певцы и плясуны.

На любом разъезде незаметном
Постоит он несколько минут,
И его, наверное, за это
Пропросту «колхозником» зовут.

Шумные, бывалые вагоны...
В них услышишь ты наверняка
Писк цыплят в корзине запыленной
И басок лохматого щенка.

...Рядом ельник молодой несется,
Проплывают села иногда,
А навстречу, крашенные солнцем,
Быстрые грохочут поезда.

Им знакомы горизонтов дали,
И любой вокзал для них не нов.
Сколько раз они свой дым вплетали
В дымы знаменитых городов!

А «колхозник» этого не видел.
Он ползет, не сетуя, вперед,
На свое призванье не в обиде, —
Очень много у него забот.

Лишь взметнет гудок в тиши сосновой...
И выходит к полотну народ.
— Вон идет, идет «колхозник» снова!..
Полустанок радостно вздохнет.

...Да, наверно, много сделать надо,
Выбрав путь по силе и уму,
Чтобы люди так вот были рады
Всякий раз приходу твоему.

* * *

Мне смотреть и век не насмотреться,
Как в бескрайних, милых перелесках
С дымчатыми елями в соседстве
Отдыхают сосны в знойном блеске.
Возле них особенно заметны
Легкие и робкие березки,
Словно нарастаявшие летом
Снежные среди зелени полосы...

Мне дышать — не надыхаться вечно
Брагой смол и медом земляники.
По ночам со стороны Заречной —
Сеном молодым и хмелем диким...

И шагать — вовек не нашагаться
По зеленым и иным дорогам.
Манят вдаль огни костров и станций,
И везде друзей хороших много.
Встречи и разлуки беспрестанны.
Лишь приеду — сердце вновь позвало.
По земле ходить я не устану,
А душе моей все будет мало...

СОСНА

Как будто бы труба кирпичной кладки
Вверху с зеленым реденьким дымком,
Стоит сосна среди поляны гладкой
И с высоты глядит на пни кругом.

На месте их давно ль звенели сосны,
Как эта, поднебесны и стройны?!
Они лежат у рек в пыли морозной
И ждут весенней пенистой волны.

Грустит сосна. Но грусть теплом
согрета:
Побеги свежих сосенок-внучат
У старых пней на всей поляне этой,
Как ежики веселые, торчат.

Щедра земля у нас в краю любимом.
Пройдут года — и снова здесь подряд
Густым, зеленым и смолистым дымом
Отменной кладки трубы задымят.

* * *

Опять шумит, шумит пожар зеленый,—
Его не гасят пенные дожди.
Леса, поляны и речные склоны —
В цветенье все, на что ни погляди.

В горячих полднях бронзовеют сосны,
Темнеют липы и роняют мед,
И лишь к березкам в далях сенокосных
Загар опять никак не пристает.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Она стоит на середине
Иль у дверей избы любой,
Как величавая твердыня,
И служит комнатам стеной.

С рассвета людям угождая,
Печет и варит дотемна.
А сколько дум людских рождает,
Так знает только лишь она!

И в ней широкой, доброй, ладной
Натура русская видна.
В работе выдюжит как надо
И в горе выстоит она.

Мы помним, как снаряды выли,
Крошились стены от свинца
И как среди огня и пыли
Держались печи до конца.

И на виду у пол-России
Изранены, опалены
Они лишь мщенья просили
У всколыхнувшейся страны.

Потом, как повелось извечно,
Когда затих военный гром,
Простой и жаркой русской печью
Мы вновь венчали каждый дом.

...Стоит, и ей износу нету,
Хотя в работе целый век.
И вот ее за все за это
Так любит русский человек.

СОЛДАТ

В высоком звании солдата
Прошел он до конца войны.
Лицо от пороха щербато
И на руках рубцы видны.

Теперь он стар. В запас не годен.
И оттого, взгрустнув порой,
Он ищет карточку в комодке,
Ту, на которой молодой.

А там, завернуты в бумагу,
Полузабытые лежат
За Бухарест, Берлин и Прагу
Медали, что принес солдат.

И вновь в огне душа солдата.
Стоит, впервые удивлен,
Что пол-Европы смог когда-то
Пройти не кто-нибудь, а он!

ГОРА

Его шутливо, добродушно
Прозвали с малых лет Горой.
А был Гора совсем не дюжий,
И уж, конечно, не герой.
Но так привыкли звать Горою
Его в деревне стар и мал,
Что имя доброе порою
Иной не сразу вспоминал.
И он привык к такому зову
И откликался, не браня,
Когда его, немолодого,
Звала вот так и ребятня.
И то ль от скромности излишней,
А то ль от робости какой
Всех незаметнее и тише
Он был в бригаде полевой.
И если в чем-то был виновен
Иль бригадир, иль кто иной,
Поспорив, все сходились снова,
Мол, тут Гора всему виной.
А он, к таким привыкший шуткам,
С улыбкой доставал кiset.

Трещала жарко самокрутка
На эту реплику в ответ.
И вот однажды в полдень жаркий,
В пятиминутный перерыв
Гора газетку для цигарки
Достал, карманы перерыв.
Достал и охнул над газетой,
Качая лысой головой.
Народ заметил сразу это:
— Гора, послушай, что с тобой?
— Да тут вот пишут о Берлине...
Меня там ранило тогда.
Добро отстраивают ныне,
А был — так посмотреть беда...
И потянулось к той газетке
Нетерпеливых рук кольцо,
И люди с выраженьем редким
Взглянули в светлое лицо.
И праздник вспомнили весенний:
При орденах, немножко пьян,
Ходил Гора среди веселья...
И, вспомнив, молча рядом сели:
— Давай закурим-ка, Иван!

* * *

Бывает так: за дружеским столом
Усядутся товарищи мои
И запоют о братстве фронтовом,
Припомнив отгремевшие бои.

Немало песен сложено у нас
Не хуже этой, старой, может быть.
Но первой категории запас
Ее никак не может позабыть.

Я знаю эту песню, но молчу:
По молодости не был на войне...
Друзья меня ударят по плечу
И, приглашая, закивают мне.

Тогда, как равный, подтяну я им.
Ведь в самом деле мы равны сейчас,
В одном ряду, в одном строю стоим:
Все — первой категории запас!

РОВЕСНИКУ

Уже теперь мы сами —
Подумай, друг, сочти —
С погибшими отцами
Ровесники почти.
И снимки фронтовые
Их молодость хранят.
Какие молодые
Они на нас глядят!
Глядят с альбомов старых,
С простенков избяных,
С полотен, с пьедесталов
Да книжек фронтовых.
По всей стране огромной,
Который год подряд,
Внимательно и скромно
Они на нас глядят.
И как достойно надо
Нам жить, любить, гореть,
Чтоб самым чистым взглядом
В глаза им посмотреть.

ОТЕЦ

1

Чем дальше горестное лето,
Тем ярче в памяти моей.
В шинель неловкую одетый,
Сидит отец возле дверей.

С его коленей не слезая,
Я прижимаюсь и молчу.
И с неутертыми слезами
Припала мать к его плечу.

А на скамье лежит котомка
С домашним хлебом и бельем.
И говорит отец негромко:
— Не надо плакать, мы придем.

Потом встает и медлит снова.
Видать, родительский порог
Для человека в час суровый
Нередко кажется высок.

Но вот открыты настежь двери;
И долго мы глядим с крыльца,
Как исчезает в дымке серой
Котомка серая отца.

И больше нет воспоминаний.
И лишь известие одно,
Что каждой строчкой душу ранит, —
У нас в шкафу лежит давно.

Но мы о горьком том известьи
Между собой не говорим:
Отец как будто с нами вместе,
И мы как будто вместе с ним.

И если в чем-нибудь немного
Я покривлю душой своей,
Невольно вспомню, как бы строго
Отец взглянул из-под бровей.

Но если даже в малом деле
Стою за правду до конца,
Представляю, как бы потеплели
Глаза суровые отца.

2

Уснут в дому мои соседи,
И в полуночной тишине
Веду я мысленно беседы
С моим отцом наедине.

Закрыв глаза, я различаю:
Он в гимнастерке, со звездой,

Сидит с усталыми плечами
И вспоминает первый бой.

...Я будто слышу, как зловеще
Чужие мины без конца
То тут, то там в болото хлещут,
Где был замечен взвод отца.

А взвод ползет меж кочек шатких,
По мхам, разводьям ледяным.
И звезды красные на шапках
Пороховой овеял дым.

И сколько их, пятиконечных,
Навеки меркнет в топи той.
Но взвод ползет врагу навстречу,
Чтоб смять его, смешать с землей.

И в этот час, одно лишь зная,
Что здесь, что именно вот здесь
Россия вся передним краем
Уперлась в опаленный лес, —

Ползут вперед солдаты злее,
Ни жизнь, ни молодость свою —
Ничто на свете не жалея,
Лишь только б устоять в бою!

...Рассвет в окне — синее льдины.
Очнувшись вдруг от забытья,
Смотрю вокруг — сижу один я,
Во сне вздыхают сыновья.

Встаю, раздумьями встревожен:
Ведь и у тех, спасавших нас,

Вот так наследники бы тоже
Росли, наверное, сейчас.

И даже все мои удачи
С делами павших не сравню —
Мои дела так мало значат,
И в этом вновь себя виню.

И до конца с такой тревогой
Расстаться, видно, не смогу,
И, видно, быть у них во многом
Всю жизнь в долгу, всю жизнь в долгу!

3

Уже давно я не был дома
И не стоял возле рябин.
И вот по просеке знакомой
Иду туда совсем один.
И вижу — что это такое? —
Ах, да — висит передо мной,
Как бы мишень на темной хвое —
Из паутины круг седой.

И сразу я о давнем вспомнил:
С отцом, таким же свежим днем,
Такой же просекою,
                                с полной
Корзиной рыжиков идем.

Глядим — на ветке паутина
Дрожит, росой окраплена.
С кругами серыми в середине,
Ну точно как мишень она.

И говорит отец: «А ну-ка,
Ты попадешь ли в этот круг?»
И в десяти шагах от круга
Я поднимаю тонкий сук.

И целюсь я, но сук мой мимо
Летит и падает в кусты.
С улыбкой еле уловимой
Мне говорит отец: «Эх, ты!..»

Кусая губы от досады,
Бросаю много раз подряд.
Отец стоит и курит рядом,
Моей настойчивости рад.

...Пустяк, а вот припомнил это,
И стало на сердце теплей.
Видать, с того хранится лета
Тепло и свет в душе моей.

И мысль мелькнула на минуту,
Не прояснившись до конца,
Что вот уже я сам как будто
Похож немного на отца.

А чем? Походкою, быть может,
Иль темной линией бровей?
Не знаю. Думаю, похожи
Одной судьбой всего скорей.

Все те же дальние дороги
И неотложные дела,
Все те же на сердце тревоги,
Чтоб жизнь как следует прошла.

В прохладной горнице знакомой
 Я просыпаюсь на заре
 От петушиного содома
 У самых окон и дверей.

И радость копится на сердце
 С какой-то детской чистотой,
 И не могу я насмотреться
 На облик горницы родной.

На эти рубленые стены
 С глазами желтыми сучков
 Да с фотокарточками, с теми,
 Что с малых помнятся годов.

Заходит мать. Вчера при встрече
 Я разглядеть ее не смог:
 Тогда на волосы и плечи
 У ней накинут был платок.

Сейчас идет простоволоса,
 Как раньше на ногу легка.
 Мука на фартуке, на косах,
 А, может, в косах не мука?

Не видел мать уже давно я,
 Все может быть — года летят.
 Смогрю в лицо ее родное,
 Нет, не потух, все прежний взгляд.

Лишь только нос острее как будто,
 Да щеки, кажется бледней.

И чем-то грустным та минута
Отозвалась в душе моей.

И мне неловко, стыдно стало,
Что я в последние года
Писал ей писем очень мало
И очень сухо иногда.

И у нее не оттого ли
До срока, может быть, сейчас
Морщинок горьких стало боле
И возле рта, и возле глаз.

Но я упрек услышу разве?
Нет, уж она такая, мать.
Приедешь к ней — моложе сразу
И веселей она опять.

И оттого еще сильнее
Вину я чувствую свою.
Неловкий, нежный перед нею
Я снова в горнице стою.

Она, довольная такая,
Зовет меня за стол скорей,
Где самовар среди стаканов
Пыхтит, как рыжий чародей.

Его бока горят на солнце.
И долго мы за ним сидим.
О том, кому и как живется,
Раздумьем делимся своим.

— Вон новый дом, взгляни-ка в по
В окно показывает мать, —

Таких в деревне нету боле
Да и в округе поискать.

Туда смотрю: да, дом — отрада:
Железом крыт. Высок. Широк.
И говорю: — Ну, так и надо.
— А так ли? Слушай-ка, сынок.

Живет в том доме председатель.
И спору нет, что дом таков.
Теперь у нас, не как когда-то,
Немало строится домов.

Но он себя уж слишком любит:
Всех раньше дом себе срубил,
Приемник взял себе из клуба
И первый тесу напил.

А вон возьми вдову Наталью.
Давно б ей надо новый дом,
А строить и не начинали,
Все обещают, мол, потом. —

... И после слов вот этих снова
То ль взгляд отца, то ль чей другой,
Но одинаково суровый,
Мелькнул с упреком предо мной.

А горше нет того упрека,
Чем нам, живущим, тех упрек,
Кто на войне, в краях далеких,
За нас себя не поберег!

ВСТРЕЧА

Я осторожно в крайний дом стучу.
Хозяйка сразу открывает двери.
Ну, что же, говорит, переночуй,
Не нужен паспорт — мол, и так поверим.

Суровая и тихая на вид,
Петровной, как узнал я, величают.
... И вот она о жизни говорит
И пирогами потчует, и чаем.

Ну, а сама с меня не сводит глаз,
В них грусть такая, что неловко стало.
— Скажи, который год тебе сейчас? —
Я пошутил, что, мол, еще не старый.

Она вздыхает тяжело в ответ:
— Напомнил ты, голубчик, мне о сыне.
С тех пор прошло уже пятнадцать лет,
Как на войне погиб, на Украине. —

... Молчу, как будто в чем-то виноват —
И чай не допит, и пирог не тронут.
А чем же я похож на тех солдат,
Что в грозный год держали оборону?

Неужто только возрастом одним
Да внешнею какой-нибудь приметой?
Я знаю — непростительно живым
Похожими на них быть только этим!

* * *

Героем стать не так легко в бою:
В какой-то миг решить судьбу свою,
И, видя рядом злые, вражьи лица,
Брать на прицел и думать: устою!
И до конца из сил последних биться.

Но, может быть, не менее трудней,
Средь разных повседневных мелочей
И толков о квартире, о зарплате
Не поступиться совестью своей
И жар души напрасно не растратить!

ТРОЕ

На стене с твоим портретом рядом
Фотоснимки двух мужчин висят.
На один ты смотришь грустным взглядом:
Снят на нем молоденький солдат.

В гимнастерке, без погон, в пилотке,
На груди широкой нет наград:
Путь солдата был совсем коротким —
В самых первых схватках пал солдат.

... Пусть уже давно случилось это,
Годы пусть проходят чередой —
Как живой, глядит с того портрета
Он, твой первый муж, защитник твой...

Ты теперь живешь в согласье с новым,
Трепетную память о былом
Этот не обидит резким словом:
Сам солдатом был, фронтовиком.

Он хороший, но его невольно
Сравниваешь с первым, с тем, порой,
И тебе всегда бывает больно,
Если в чем-то не похож второй,

Он поймет, конечно. Он заметит,
Что ты брови хмуришь неспроста...
Так живет незримо с вами третий,
Ваша память, верность, чистота.

В МЕЗОНИНЕ

Брату Павлу

Каленый полдень

Окна мезонина

И щели в крыше солнцем заливал,

От пчел гудела липа и малина...

А человек лежал и умирал.

Он все просил, чтобы открыли окна,

Хотя они распахнуты давно.

Приподнимался и дышал глубоко,

И с хрипом задышался все равно.

Растерянно молчали люди рядом.

Врач далеко — и не успеть за ним.

И дряхлый дед стоял с молящим взглядом

В сторонке перед образом святым.

Решили все — уже спасенья нету.

Но кто-то вдруг припомнил в тот момент,

Что ведь в деревню к матери на лето

Приехал медик, пусть хоть и студент.

И вот вбежал он, побледнев немного,

С потертым чемоданчиком сюда.

Халат надел еще возле порога,
Спросил, где кипяченая вода,

И сел к больному. О, когда б профессор,
Тот самый, что экзамен принимал,
Вдруг оказался б в мезонине тесном,
Студента б своего он не узнал.

До этого за час в футбол игравший,
Гонявший в поле с пацанами мяч,
Он понял вдруг, мудрее став и старше,
Что не студент уже сейчас он — врач!

И люди, зная, почувствовали это
И, отступив, поверили ему.
Он шприц вводил, рвал бинт, колол таблетки,
И стон утих в притихнувшем дому.

...А утром деловито и спокойно
Сказал он людям: опасенья нет.
И, может, в первый раз не на икону,
А на него крестился дряхлый дед.

ОПЯТЬ В ЛЕСА УХОДЯТ «МАЗЫ»...

Опять в леса уходят МАЗы,
Когда вокруг темным-темно.
Дрожит в конторке автобазы
От гула мерзлое окно.

Шоферы из кабин высоких
Назад бросают беглый взгляд.
Там, в неразбуженном поселке,
В постелях теплых жены спят.

А МАЗы гул вперед уносят,
Туда, где встали сосны в ряд.
И светляками папиросы
В зубах водителей горят.

Затяжка — и на миг откроет
В кабине красный огонек
То круто сдвинутые брови,
А то литую смуглость щек.

... Лежит на трассе сумрак плотный,
Неразличим вдали сосняк.
И фары, будто бы брандспойты,
С пути смывают светом мрак,

ТРУДОДЕНЬ

Он до того, как цифрой станет
У бригадиров за столом,
Ложится ровными пластами
В раздолье нашем полевом.

Струится в ведра белым звоном
Под сильной девичьей рукой.
В бидоны падает весоמו
Сквозь марлю теплою рекой.

Встает стогами в луговине,
Пылит стадами у дворов.
Пшеницей зреет в дымке синей,
Грохочет сталью тракторов.

...И до того, как цифрой станет
У бригадиров за столом,
Он пахнет потом, хлебом, сталью,
Бензином, сеном, молоком,

И ежечасно, ежедневно
Одна забота у людей,
Чтоб не пропал он так, бесследно,
Чтоб был все зримей, все ценней.

А сколько их — сочти, попробуй —
В России сел и деревень!
Какой же, значит, славный, добрый
Он, всероссийский трудодень!

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Твои подруги замужем давно,
Учительницы сельской семилетки.
Ты их порой встречаешь у кино
И — что скрывать — завидуешь нередко.

Они к тебе нешумно подойдут:
Начальство все же — секретарь райкома.
И до сеанса несколько минут
Поговорят охотно о знакомых.

Мол, та родила и женился тот...
И ты за них, конечно, будешь рада.
Пойдешь одна — и на сердце падет
Неясная и тихая досада.

На что же? на кого же? не понять...
Потом забудешь о досаде этой:
В райкоме заседания опять,
Беседы и вручение билетов.

И за день стольким руки ты пожмешь,
И в столько счастлих и несчастий вникнешь,
Что о себе ни разу не вздохнешь,
Не вспомнишь о раздумье о давнишнем,

И лишь когда останешься одна,
Когда мелькнут огни в тумане зыбком,
Почувствуешь ты снова, как нужна
Не встреченная до сих пор улыбка.

* * *

Там, на проселочных дорогах,
Где стук колес, моторов гул,
Он побродил, поездил много
И ветра свежего хлебнул.

И на плаще своем, бывало,
С друзьями новыми не раз
Сидел усталый на привале,
Им укрывался в поздний час.

А если дождь с мужицкой хваткой
Из гибких струй заборы плел,
То плащ служил ему палаткой
И спинкой стула — елки ствол.

И вот, когда он поздним летом
На городской ступил перрон,
Впервые, может быть, заметил,
Насколько плащ был запылен.

На миг смутился он прохожих,
Потом подумал: и у них
Немало есть иль было тоже
Плащей вот именно таких.

...А я б повесил эту робу
В музее, может,
Наравне
С шинелью ношенной, суровой,
Бывавшей в дыме и огне.

...Лишь упадет, увядая
В клевере дальнем, закат,
— Дай-ка поест, золотая!—
Ей мужики говорят.

РАДОСТЬ

Ходит радость снежным переулком
На рассвете к булочной одной,
Покупает яблоки и булки
И приносит к завтраку домой.

Ветерок колюч. Дрожат слезинки
В уголках больших и серых глаз,
На платке — у подбородка — льдинки:
Так морозно по утрам сейчас.

Свежие, чуть вспыхнувшие щеки,
Кольца индевеющих кудрей.
В рукавичках, маленьких и легких,
Пальчики озябшие у ней.

Греет их она дыханьем влажным,
И на них — взгляни со стороны —
Не отмытые и мылом даже
Пятнышки чернильные видны.

Солнцу, снегу, людям улыбаясь,
Ничего на сердце не тая,
Улицами ходит эта радость,
И она, товарищи, моя.

* * *

Асе

В вышине заворочался гром,
И малинник наполнился шумом.
Мы с тобой, громыхая ведром,
Побежали под липу большую.

Струи падали вяло сперва,
А потом стали чаще и тоньше.
Трепетала, шумела листва
И в зеленые била ладоши.

Я, от капель тебя заслоня,
Ветки грудил к стволу осторожно,
И рукою прохладной меня
Ты коснулась нечаянно, может.

Мы взглянули друг другу в глаза
Неожиданно, как-то особо,
И ни слова в тот миг не сказав,
Об одном сразу вспомнили оба.

Показалась ты вдруг мне такой,
Как когда-то, той осенью давней —
Свежей, свежей, совсем молодой
И в блеснувших глазах с ожиданием...

Словно не было ссор и разлук,
И любви нашей трудной и давней,
А как будто мы встретились вдруг
Лишь на этом, на первом свиданье.

...И теперь, когда грустно порой,
Все одно вспоминаю нередко —
Шумный дождик, малинник сырой
И тебя в мокрых ветках.

* * *

Он человек не одинокий:
Есть и семья своя, и дом.
Но это где-то все далеко
За много верст в краю другом.

И нет туда дороги ныне:
Здесь неотложные дела.
И вот тревога без причины
Однажды на сердце легла.

И он, неверящий в приметы,
Вдруг потерял совсем покой.
Уж не предчувствие ли это
Внезапной горести какой?

Припоминал любую малость,
И неожиданно она
Вдруг горьким смыслом озарялась,
Всю душу всколыхнув до дна.

И он себя упреком мучил,
Что черствым был, что грубым был.
А жить не так бы надо — лучше,
Ведь он ее одну любил.

Но вот из дома — заказное!
И слов-то милых в нем — пустяк.
А он сиял и думал снова:
Нет, жил как надо было, так...

* * *

Поверишь ли, здесь не природа — чудо!
Иди любой дорогой и тропой —
Березняки и ельники повсюду
Шумят гостеприимно над тобой.

В прохладном мху, в суровом белоусе,
Под хрупкими валежниками

ты

На спрятавшийся рыжик полюбуйся,
На нем роса, опавшие листья...

Усыпан лес грибами и брусникой...
Ну, а пойдешь по просеке назад —
Седые нитки паутины липкой
На пиджаке и в чубе заблестят.

Вот и река. Подъязки плещут сонно.
Вода, как деготь, у кустов черна.
А наклонись и зачерпни ладонью —
Светлей и чище хрустала она.

И пахнет чем-то свежим, свежим всюду,
Куда б ни шел — на речку или в лес...
Да, здесь природа, в самом деле, — чудо,
Но без тебя мне очень грустно здесь.

* * *

Неторопливо я иду с работы,
Снежок плывет лениво надо мной.
Ему как будто падать неохота
И гаснуть в лужах на земле сырой.
Он кружится, роится в голых ветках,
И застилает молчаливый сад.
И фонари за этой белой сеткой,
Как будто одуванчики висят.
...И незаметно спала с плеч усталость,
А та размолвка, что была с тобой,
Какой-то мелкой, жалкой показалась
Вот перед этой щедрой чистотой.

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Масло верещит на сковородках.
Печка докрасна накалена...
Ты в косынке, в платице коротком
Здесь колдуешь снова дотемна.

Жаришь, паришь, отдыха не зная,
Синий зной качается кругом.
И добро б — семья была большая,
А у вас два стула за столом.

Тот, кому готовится все это,
За столом сидит уже давно.
Тычет вилкой в жирную котлету,
Разливает крепкое вино.

Потный, красный, в вылинявшей майке,
Он доволен мастерством твоим.
Ну, а ты — как будто не хозяйка,
А официантка перед ним.

Похвалам его совсем не рада,
Вяло улыбаешься в ответ.
И в твоём похолодевшем взгляде
Прежнего сиянья больше нет.

НАД ДЕРЕВЕНСКИМИ ДОМАМИ...

Над деревенскими домами
В снегу черемухи густой
Висел невидимый динамик,
Как будто музыки гнездо.

И по соседству с ним — скворечник.
Здесь тоже песенка жила.
Сюда пришли мы в вечер вешний,
Закончив на поле дела.

Как будто с птицей в поединке,
То возникал, то таял вдруг,
Высокой, звонкой паутинкой,
Тревожа душу, скрипки звук.

Скворец, захлебываясь свистом,
Звенел и щелкал без конца...
Но звук другой, щемящий, чистый,
Нам больше волновал сердца.

И, словно сам почуяв это,
Скворец унял свой перещелк
И, спрыгнув с ветки незаметно,
Прислушался и робко смолк.

* * *

Сказать по правде — ныне кто не пишет
Воспоминаний на закате лет?
Иной, глядишь, на пенсию лишь вышел —
И вот уже прозаик иль поэт.

Досуг всегда к воспоминаньям клонит.
Вновь оживают старые друзья,
Костры в степи и боевые кони...
Сказать чего-то хочется такое,
Чтоб знали люди: жизнь прожил не зря!

Прекрасно — у кого права на это!
Кто лентой пулеметною обвит,
Прошелся по дворцовому паркету
В то утро начинающихся битв!

Кто падал и мостил Сиваш собою,
О юности суровой не скорбя,
Кто брал для нас и небо голубое,
И землю, и березки — только с боем,
Лишь в Ленина поверив да в себя!

ДИОНИСИЙ

В Вологодской области находится Ферапонтов монастырь — исторический памятник древнерусского зодчества. Его в 1500—1501 гг. расписывал гениальный русский живописец Дионисий.

Когда-то было в Белозерье это.
В монастыре, затерянном в лесах,
Иконописец в памятное лето
Богopodobно красками писал.
И пахари, забыв на время дело,
У врат соборных грудились толпой.
И, задирая бороды, глядели
Восторженно под купол голубой.
Там совершалось чудо. Дионисий,
Лобастый и приземистый старик,
Касался сводов немудреной кистью —
И на камнях рождался дивный лик.
И что-то очень близкое, земное
Сквозило в лике матери святой.
И люди с обнаженной головою
Немели перед этой красотой.

... В молчанье строгом я гляжу
на фрески,
Хранящие седых времен следы,
И вижу в них не ангелов библейских,
А дальних предков мудрые черты.
И говорят об этом фрески сами,
Что наши предки в глубине веков
Своими гениальными руками
Себя творили в образе богов!

* * *

Местком о путевках хлопочет:
Тому надо в солнечный Крым,
Другому — в Батуми иль в Сочи,
А мне бы к березам родным.
Туда непременно, где ныне
За синей лесною стеной
Раздольно валы ветряные
Текут по равнине ржаной.
Где сладко, пиджак с себя сбросив,
Курить под кустом ивняка,
Смотреть, как плывут к папиросе,
Огня не боясь, облака.
Где слышно, как филин на елке
Простонет порой за селом,
Береза синицею щелкнет,
Ольха просвистит соловьем.
Где зыбкая даль прозвенела
Когда-то,
                  нарушив покой
Во мне самой первой, несмелой,
Но самой душевной строкой.

* * *

Снова травы яро зеленеют
Я иду по ним как будто вброд.
То на сердце радостью повеет,
То неясной грустью опухнет.

Не пойму я, что со мной такое.
Слезы сладко застилают взгляд.
Вверх взгляну — а небо золотое —
На ресницах лучики горят.

И душа опять до боли рада
Этим травам, этим искрам рос...
Хорошо заехать хоть бы на день
В милый край, где ты когда-то рос.

РЕКА ДВИНИЦА

Пришел я поклониться
Тебе, река Двиница,
И посидеть у плеса
Наедине с тобой.
Ты вроде мельче стала,
Ольхой позарастала,
Но все петляешь, словно
Проселок голубой.

Пожалуйста, припомни,
Как ты, да лес, да поле
Нам первые уроки
Давали в те года,
Когда осоки заросль
Нам водяным казалась
И рыбкой золотою —
На дне твоём звезда.

Ты понимать учила
Крутых порогов силу
И чистые глубины
Ценить и постигать.

Любить рассветов свежесть,
Полей родных безбрежность
И в омуты глухие
Не трусить заплывать.

Об этом ты немало
Волною напевала,
Осокою звенела
По тихим берегам,
Мол, пригодится это,
Ребята, вам на свете...
И, верно, пригодилось
Все это в жизни нам!

* * *

Почки тополевые висели
На прутках, как тихие шмели.
И казалось, что на землю зелень
Вот они на крыльях принесли.

Крылья, сизоватые вначале,
Распускались с каждым днем смелей.
И — гляди! — уж бабочками стали
Те шмели на ветках тополей.

Шумными, зелеными роями
Закипели в парках и в лесах,
Словно бы обрадовались сами,
Сотворив такие чудеса!..

В это время дома не сидится.
Мы в траве прохладной, молодой
Любовались синей медуницей,
Жадно пили ландышей настой.

Ни дорог, ни тропок не искали,
Если заблудились бы — пускай.
...Я тогда у друга на привале
Седину заметил на висках.

Может быть, некстати я заметил?
Молча улыбнулся он в ответ:
Будто седины в помине нету,
Будто бы ему семнадцать лет.

* * *

За нашею деревнею
На тихие снега
Присели елки древние,
Как грузные стога.

И разметались елочки,
Как будто копы травы,
Колючие иголочки
Сенинками подняв.

И не видать за елями,
Как там снега легли...
По-летнему все зелено,
Все зелено вдали.

* * *

К реке теснятся сосны непокорно
С витыми обнаженными корнями,
И кажутся порою эти корни
Опущенными в землю якорями.

После дождей еще сердитей роет
Под ними землю кипень водяная,
И кренятся зеленые герои,
И падают в реку, не отступая.

На месте их стоят уже другие.
Стоят, как те, уверенно и просто.
...А мы, порою взглядом их окинув,
Не замечаем этого геройства.

* * *

Добра уха, наваренная нами!
Сидим возле веселого костра
И слушаем, качая головами,
Рыбацкие рассказы до утра.

Костер смеется от бывальщин наших.
И все в росе, куда ни кинешь взгляд, —
И блюдца золотистые ромашек,
И рюмки колокольчиков горят.

Встает из леса солнце молодое
И, прежде чем начать дневной обход,
Озерной умывается водою
И росы отстоявшиеся пьет.

...А нам-то уж нельзя не выпить вовсе
За дружбу и за молодость свою
Веселую, похожую на росы,
В стаканах заигравшую струю.

Итак, плацкарты в путь далекий
Нам на вокзалах продают.
Ну что же, здравствуй, возле окон
Командировочный уют!
Мы любим бег, прямой и гулкий,
Стальных дорог в краю родном.
На них в одном конце — разлуки
И встречи теплые — в другом.
Покоя нет: пути и дали!
Приходит зрелости черед.
Так значит — наши дни настали
Для новых песен и работ.
Так значит — нам командировка,
На поколение одна,
К грядущим дням, к своим потомкам,
Отныне Родиной дана!

* * *

Заболел товарищ равнодушьем:
На душе, как в кабинете душном,
От привычных дел устал опять.
В споры не вступает, как бывало,
Кислит губы и смеется вяло...
Значит, надо парня врачевать.
Врачевать таежными кострами,
На дорогах заморозком ранним,
Чистотою молодых снегов,
Шумными, далекими путями.
И его опять к делам потянет,
И он будет, верьте мне, здоров!

* * *

Его осанка, подбородок, взгляд
Исполнены надменности усталой.
И тем, которым был когда-то рад,
Теперь кивать при встречах перестал он.

«Он вышел в люди», — говорят о нем.
Но к людям он пешком не выйдет ныне,
А изредка в величии своем
На персональной явится машине.

«Он вышел в люди», — говорят о нем,
Но люди ждут его в приемной днями,
Скандалят иногда с секретарем
И кабинет распахивают сами.

«Он вышел в люди», — говорят о нем...
А так ли это, если мы рассудим?
Не вышел он ни сердцем, ни умом,
Как говорится, чтобы выйти в люди!

* * *

Слег человек. Лежит в бреду,
Не помнит ничего.
Но в трудный час врачи придут
И вылечат его.

А сердце? Как его лечить,
Когда болит оно?
И даже лучшие врачи
Бессильны все равно.

И чуткий Цельсий никогда
Не отразит того,
Какая горечь иногда,
Нещадно жжет его!

Какой подчас ложится лед,
А лишь пора придет,
Какое солнце там встает,
Как плавит этот лед!

Нет, не измерить никому
Температур таких,
Лишь только сердцу одному
Посилен пламень их.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Под песню одинокую полозьев
Без дум не обойдется ни версты.
Они спокойны, словно путь морозный,
И, как поляны снежные, чисты.

И на возу, зарывшись глубже в сено,
Сережа вновь задумчиво притих.
Два воробья возле тулупа сели,
А парень так и не заметил их.

Забот приносит каждый день немало.
Их не успеешь сбросить, ну а тут
Уж новые, каких и не бывало,
Опять решенья правильного ждут.

Чуть ошибись — прибавишь дела кучу,
Чуть задержишься — не оберешь хлопот.
Вот и попробуй разберись, как лучше,
Когда тебе всего двадцатый год.

И кажется теперь каким-то тесным
В райкоме комсомола кабинет,
Где ты недавно после школы местной
Инструктором работал пару лет.

Эх, кабинет! Забыть его тебе ли?

Стол на двоих. Три стула. Телефон.
Когда ж в командировки на недели
Ты уходил — не запирался он.

Ты уходил размашистой походкой,
Не забирая лишнего с собой.
Лишь полотенце да зубная щетка,
Да Блок лежали в сумке полевой.

Инструктора не меряны дороги,
Его дела не учтены порой,
Хотя в райкоме справок слишком много,
Так много, что сравниваются с горой.

А есть ли хоть в одной из них про это,
Как помогал ты иногда друзьям
То словом, то примером, то советом,
Не замечая простодушно сам?

Тогда ты думал — разве в справке дело?
Лишь важно, чтоб работали они,
Чтоб, не затухнув, весело горели
В деревне комсомольские огни.

И кое с кем скандалил ты нередко,
Кто горячился с пеною у рта,
Мол, комсомольцы первых пятилеток
Теперешним, конечно, не чета.

Мол, ныне комсомольцев и не видно,
Осталась только фикция одна.
И ты, кипя от злости и обиды,
Порой вlepлял «за фикцию» сполна,

Потом ругал себя, что не сдержался.
И чтобы правду все же отстоять,
Еще сердитей за работу брался
И комсомольцев поднимал опять.

Одoleвала лишь тогда усталость,
Когда после десятка верст пешком
Пройти версту лишь только оставалось —
И вот он, возле садика — райком!

Пусть от ходьбы ногам и было больно,
Но виду не показывал ты, нет.
Обветренный, небритый и довольный,
Ты вваливался шумно в кабинет.

Эх, кабинет! Его забыть тебе ли?
В чернильных пятнах столик на двоих.
А вы вдвоем с дружкой и не сидели,
Сидеть на месте — вы не из таких.

Нет, подожди-ка — ведь неправда это,
Сидел однажды вечером вдвоем,
Но только не с дружкой по кабинету,
А с Олей — со вторым секретарем.

Ты был влюблен в нее давно и тайно.
Но вот тогда решил признаться ей,
Что с нею повстречался неслучайно,
Что нет ее и лучше, и умней.

Но жег за папиросой папиросу
И говорил не так и не о том.
Зачем-то речь повел о членских взносах
И политсеть критиковал потом.

А Оля молча на тебя глядела,
В глазах — смешинка.

Дужкой бровь одна,
Под кофточкой тугой на шее белой
Живая жилка чуточку видна.

Сидела Оля, близкая такая,
И не вникала, кажется, в слова.
И как случилось, сам того не зная,
Ты подошел и вдруг поцеловал.

Она вскочила и — из кабинета
И погрозила дружески потом,
Что на бюро расскажет вот об этом
И о моральном облике твоём.

Но ясно — не сказала, промолчала.
А через месяц после встречи той
Ее учиться в ЦКШ послали,
А ты ушел в колхоз, к себе домой.

Здесь до чего же кабинет просторен!
Как будто стены — лес, высок и строг.
Как будто стол — поля на косогоре
С темнеющими строчками дорог.

И на таком столе — работы вдоволь.
Придется рукава позакатать.
Вот здесь бы снова повстречаться с Олей.
Теперь-то знал бы, как и что сказать.

* * *

Ударь — и звоном отзовутся бревна.
Они грузны, как будто в них свинец,
Одно к другому подгоняя ровно,
Вот из таких кладут избы венец.

Ну, а потом — уж так ведется в селах —
Строителям хозяйскою рукой
Подносится графин воды веселой,
Чтоб дом стоял, как парень молодой.

И встанет сруб, пригожий и высокий,
Его и время даже не качнет.
И по затонам удивленных окон
Купаться солнце круглый год начнет.

...Такая же мечта и у поэта,
Пусть он вовек не будет знаменит:
Слагать стихи, как ставят срубы эти,
Строка к строке — и каждая звенит!

* * *

Медовый ветер над родимым краем,
Такой, что просто кругом голова.
И на душе теснятся, закипая,
Пахучие и нежные слова.
Повеет сеном — и родится слово,
Прольется дождь — другое подберешь,
Вздохнет гармошка — новое готово,
И много слов нашепчут лес и рожь.
И, кажется, не травами, не лесом
Проходишь ты, и молод, и здоров,
А будто б лугом свежих и чудесных,
Еще никем не высказанных слов.
Их очень много: радостных и грустных
Простых и гордых, щедрых и скупых.
Ты ищешь, выбираешь, чтоб стоустно
Потом друзья произносили их.
И у тебя других желаний нету,
Чем так писать, чтоб строчка ожила,
Травой запахла, заиграла светом,
Земли родной красу передала.

* * *

Да здравствует полка вагона
Вся сплошь из раздумий и снов —
Отрада сердец беспокойных,
Подруга горячих голов!

Да здравствует кузов трехтонки,
Продутый крутым ветерком,
Украшенный песнею звонкой
И легким девичьим платком!

Да здравствуют гордые крылья,
Которые с бездны высот
Веселому взгляду открыли
Далеких земель горизонт!

Да здравствуют рек повороты,
Петляние троп по лесам,
Где чудится новое что-то,
До срока не видимое нам!

Да здравствуют трижды на свете
Лежащие всюду пути,
Вся радость которых лишь в этом,
Что края у них не найти!

СЧЕТОВОД

Его считали бюрократом,
Неисправимым сухарем.
Он выдавал у нас зарплату,
Не торопясь, в углу своем.

С лицом насупленно-суровым,
Невозмутимый счетовод
На шутку не промолвит слова
И даже глазом не моргнет.

И все высчитывает что-то,
Склонивши голову слегка,
И, как по клавишам, по счетам
Летает властная рука.

Никак не верилось девчатам,
Что может петь и плакать он,
Неисправимым бюрократом,
Казалось им, он был рожден.

Но как-то в тихую контору
Зашел знакомый почтальон,
Зашла та девушка, с которой
Уже не раз бранился он.

А тут как будто бы впервые
Взглянул он в добрые глаза,
Взглянул на волосы густые,
Взглянул — и краской залился.

И расписался на бумагах
Не там, где нужно, в первый раз,
И перепутал их, бедняга,
И позабыл про них тотчас.

...На утро, у дверей услышав,
Как пел в конторе счетовод,
Мы говорили: «Тише, тише!
Не заходите — пусть поет!».

ВОЛОГОДСКИЙ КРАЙ

(Песня)

От ветров зеленых снова
Да от птичьих стай
Зашумел родной, сосновый
Вологодский край.

И на Сухоне, на Суде,
У Шеконы-реки —
На дела выходят всюду
Наши земляки.

И искать нигде не нужно:
Нет роднее мест,
Звонче песен, краше кружев
И милей невест.

Хороши в любом наряде
И скромны всегда.
Те, кому жениться надо,
Пусть спешат сюда.

Льны цветут, растут заводы
И зовут гудки.
Песню, окая, выводят
Наши земляки.

И в какую даль отсюда
Ты ни заезжай,
Постоянно в сердце будет
Вологодский край!

СОДЕРЖАНИЕ

Районные дороги	3
Делегаты	5
«Мы уходим в дали травяные»	7
У стога	8
Зеленый город	10
«Сойдешь на тихом полустанке»	12
«Вдалеке от суматошных станций»	14
«Мне смотреть и век не насмотреться»	16
Сосна	17
«Опять шумит, шумит пожар зеленый»	18
Русская печь	19
Солдат	21
Гора	22
«Бывает так: за дружеским столом»	24
Ровеснику	25
Отец	26
Встреча	34
«Героем стать не так легко в бою»	36
Трое	37
В мезонине	39
Опять в леса уходят «МАЗы»	41
Трудодень	42

Секретарь райкома	44
«Там, на проселочных дорогах»	46
«Красной копной на пригорке»	48
Радость	50
«В вышине заворочался гром»	51
«Он человек не одинокий»	53
«Поверишь ли, здесь не природа — чудо!»	55
«Неторопливо я иду с работы»	56
Домашняя хозяйка	57
Над деревенскими домами	58
«Сказать по правде — ныне кто не пишет»	59
Дионисий	60
«Местком о путевках хлопочет»	62
«Снова травы яро зеленеют»	63
Река Двиница	64
«Почки тополевые висели»	66
«За нашею деревнею»	68
«К реке теснятся сосны непокорно»	69
«Добра уха, наваренная нами!»	70
«Итак, плацкарты в путь далекий»	71
«Заболел товарищ равнодушьем»	72
«Его осанка, подбородок, взгляд»	73
«Слег человек, лежит в бреду»	74
Отрывок из поэмы	75
«Ударь — и звоном отзовутся бревна»	79
«Медовый ветер над родимым краем»	80
«Да здравствует полка вагона»	81
Счетовод	82
Вологодский край	84

Александр Александрович РОМАНОВ

Утренние дороги

* * *

Редактор *С. В. Викулов*
Техн. редактор *С. И. Соколова*
Художник *В. А. Чулков*
Корректор *А. В. Дзюбак.*

*

ГЕ01809.

*

Подписано к печати 3. 4. 59 г.
Бумага $70 \times 92\frac{1}{32} = 1,375$ б. л.
3,237 п. л., 2,08 уч.-изд. л.
Тираж 3000. Заказ 1408.

*

Цена 1 р. 25 к.

Областная типография,
г. Вологда, ул. К. Маркса, 70.